

Русская старина

Том 3. 1871

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русская старина: Том 3. 1871 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 823 с.

ISBN 978-5-517-95848-8

Ежемесячное историческое издание.

ISBN 978-5-517-95848-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

W. B. Smith

МОЯ БОЕВАЯ ЖИЗНЬ.

(Записки Войска Донскаго генералъ-лейтенанта Якова Петрова Васильева,
записанныя собственною его рукою).

I.

Я родился въ 1809 году отъ бѣдныхъ родителей, былъ единственнымъ сыномъ. Отецъ мой поступилъ на службу казакомъ, дослужился до чина полковника; онъ постоянно находился въ полку, поэтому не могъ заботиться о моемъ воспитаніи. Мать женщина простая, безъ средствъ, мало думала объ обученіи меня грамотѣ, но родная моя бабука въ одинъ день объявила мнѣ, что я долженъ поступить учиться грамотѣ въ Кудиновнѣ, — грамотная старуха, принимавшая дѣтей къ себѣ въ школу.

У ней, года два, по церковной азбучкѣ, зубрилъ азъ-ангелъ-ангельскій, архангелъ-архангельскій, отъ нея переведенъ въ приходскому пономарю: училъ наизусть «Часовникъ», затѣмъ переведенъ въ дячку, гдѣ проходилъ псалтырь.

Въ 1816 году отецъ, въ чинѣ есаула, возвратился изъ отечественной войны, а въ 1817 году наряженъ въ Бессарабію въ полкъ Горбикова; взялъ и меня съ собой.

По прибытіи на мѣсто служенія, я былъ порученъ для дальнѣйшей науки грамотѣ сотенному писарю; чрезъ годъ перешелъ къ полковому писарю.

Въ 1823 года полкъ отпущенъ на Донъ.

Съ 1823-го по 1825 г. жилъ въ домѣ, занимался въ хозяйствѣ, пахалъ землю, косилъ сѣно и пасъ домашнихъ животныхъ, а о грамотѣ моей не было рѣчи. Отецъ, самъ мало грамотный, не считалъ нужнымъ провѣрить мои знанія, а былъ убѣжденъ, что сынъ, пройдя такія знаменитыя заведенія, подѣ ру-

ководствомъ вышесказанныхъ знахарей, былъ дока читать и писать. На дѣлѣ-жь выходило иначе: я не могъ подписать своей фамиліи, а книги читалъ съ величайшимъ трудомъ, что вышло оттого, что мои наставники-писаря мало занимались мною, а у меня не было охоты къ ученью, и я по цѣлымъ днямъ и ночамъ вертѣлся въ казармахъ среди казаковъ, съ жадностью слушалъ рассказы объ отвагахъ предковъ нашихъ по Азовскому и Черному морю, объ Азовскомъ сидѣннѣ, и о разныхъ эпизодахъ въ послѣдующія войны новыми поколѣніями оказанныхъ, и подъ эту гармонію нерѣдко засыпалъ сладкимъ сномъ.

Въ 1825 году отецъ, въ полку Попова, командированъ въ Крымъ; взялъ меня съ собой съ зачисленіемъ въ комплектъ полка. Будучи произведенъ въ урядники, при доставшейся очереди, во время похода, дежурить по сотнѣ, слѣдовало мнѣ при утреннемъ рапортѣ писать рапортички и подписывать ихъ, но я не могъ исполнять ни того, ни другаго. Эта неожиданная моя безграмотность сильно поразила отца.

По прибытіи въ Крымъ, онъ первымъ долгомъ счелъ отправиться въ городъ Феодосію, гдѣ было уѣздное училище, и бывшему смотрителю этого заведенія, Федору Филипповичу Бурдунову, отдалъ меня пообучиться за условленную цѣну. Благодаря этому честнѣйшему человѣку, въ продолженіе года бытности моею у него, прошелъ я всю премудрость, которой обучаютъ въ уѣздномъ училищѣ и былъ первымъ изъ учениковъ; быть можетъ я бы долго пробылъ у Бурдунова, но мать, оставшаяся одна въ домѣ, въ письмахъ своихъ настоятельно требовала, чтобъ отецъ мой приѣхалъ со мною въ отпускъ и женилъ бы меня.

Отецъ исполнилъ ея просьбу, а вмѣстѣ съ женитьбой прекратилось дальнѣйшее мое ученье.

II.

Въ 1828 году открылась турецкая война. Полеъ нашъ, по распоряженію начальства, двинуть въ Европейскую Турцію. Предъ выступленіемъ въ походъ, бывший Новороссійской генераль-губернаторъ, князь Воронцовъ, приѣхалъ въ Крымъ; онъ потребовалъ отъ полка офицера, для посылокъ съ депешами въ великому князю Михаилу Павловичу въ Браиловъ. Отецъ, за смер-

тію командира полка, принялъ его въ командованіе, а же былъ въ полку томъ офицеромъ.

Въ командировку эту назначили меня.

Получивши все нужное въ отправленію, чрезъ Молдавію и Валахію, прибылъ въ Браиловъ; сдавши депеши, дней десять ожидалъ привязанія возвратиться къ полку.

Въ одинъ день, передъ вечеромъ, слышу вызываютъ охотниковъ идти на штурмъ. Не разсуждая, какія могутъ быть послѣдствія, я заявилъ себя желающимъ быть въ средѣ ихъ. Въ полночь весь отрядъ охотниковъ, подерѣпляемый густыми колоннами пѣхоты, двинулся впередъ; на разсвѣтѣ тихо подошли мы къ главной батарее и съ крикомъ «ура» бросились на штурмъ... Что далѣе происходило, сказать не могу по слѣдующей причинѣ: когда мы прибѣжали ко рву, насъ подняло на воздухъ; многіе были засыпаны землей, нѣкоторыхъ отнесло отъ батареи, а мнѣ, кажется, пришлось нѣсколько саженой летѣть по воздуху, какъ птицѣ пернатой.

На другой день я пришелъ въ себя, лежа въ палаткѣ между ранеными.

Штурмъ былъ неудаченъ; потери громадны. Чрезъ пять дней меня выписали изъ госпиталя, какъ выздоровѣвшаго, и я получилъ приказаніе отправиться въ полку, шедшему на мѣстечко Рійны, при впаденіи рѣки Прута въ Дунай. Дождавшись тамъ полка, я первымъ долгомъ счелъ разсказать мою отвагу отцу въ чаяніи получить похвалу; но, увы! вмѣсто похвалъ, отецъ отдубасилъ меня нагайкой, приговаривая: «не суйся въ омутъ, когда отдаленъ отъ своей части, а съ ней иди въ огонь и въ воду.»

Полеъ перешелъ Дунай въ Исагчахъ; 22 октября 1828 г. прибылъ къ крѣпости Костенжи; занялъ отъ нея наблюдательную линію по Троянову валу къ Черноводамъ, выше Гирсова на Дунаѣ; здѣсь оставался въ продолженіи зимы потому, что войска наши, бывшія подъ Шумлой и Силистріей, возвращались на зиму въ Молдавію и Валахію, оставивъ сильныя гарнизоны въ занятыхъ нами крѣпостяхъ.

Зима была весьма сурова, а потому прошла мирно. Съ открытіемъ весны 1829 г. войска, зимовавшія по лѣвую сторону Дуная, двинулись подъ Шумлу и Силистрію. Полеъ нашъ присоединился къ главнымъ силамъ шедшимъ къ Шумлѣ и въ про-

долженіи всего года участвовалъ во многихъ сраженіяхъ; при этомъ могу упомянуть о слѣдующемъ случаѣ, лично до меня относящемся. Въ іюлѣ мѣсяцѣ армія изъ-подъ Шуши двинулась чрезъ Балканы. 7-го числа, въ числѣ охотниковъ, бросился я вплавъ на лошади, чрезъ рѣку Камчикъ. Ширина ея не превышаетъ десяти сажень; подъ картечными выстрѣлами двѣнадцати турецкихъ орудій, стоявшихъ по правую сторону рѣки, мы бросились въ воду; многіе охотники были убиты и утонули, но $\frac{4}{5}$ -хъ, въ количествѣ 2 т., переправились благополучно, сбили турокъ съ позиціи и тѣмъдали возможность двинуться нашимъ колоннамъ на переправу.

За такую отвагу я отъ отца получилъ поощрительную награду: нѣсколько нагаекъ въ спину, будто-бы за то, что я позволилъ себѣ пуститься на вороной лошади — а не на бѣлой, эта-де была сильнѣй и надежнѣй, а съ вороною могъ-де я утонуть; на дѣлѣ-же выходило вотъ-что: отцу не хотѣлось, чтобъ я очертя голову бросался во всѣ нелегкія. Понявши наконецъ его и дорожа моею спиною, болѣе не позволялъ себѣ ни на какия отваги.

Отъ Камчика двинулись впередъ. Перейдя Балканы, 11 іюля 1829 года заняли съ бою города Мисеврію и Ахіоль. 12 іюля, полкъ отца посланъ на рекогносцировку къ укрѣпленному городу Бургасу; вблизи его полкъ встрѣченъ былъ турецкою кавалерію въ 700 человекъ, вступилъ съ нею въ бой, опротивилъ ее и вмѣстѣ съ ней ворвался въ городъ; вытѣснилъ гарнизонъ, завладѣлъ городомъ съ незначительною потерей: трофей состояли изъ нѣсколькихъ крѣпостныхъ орудій и мортиръ. За таковую отвагу отецъ получилъ Георгія 4 степени, подо мной убита лошадь и я послѣднимъ вошелъ въ крѣпость.

8-го августа армія, безъ боя, заняла второй столичный турецкій городъ Адрианополь, а по заключеніи мира, 8 января 1830 года, полкъ выступилъ на зимовья квартиры въ Румилію. 21 апрѣля—выступилъ въ походъ въ Бессарабскую область, для занятія пограничной стражи по рѣкѣ Пруту. 14 августа 1831 г. полкъ отпущенъ на Донъ.

Съ 1831 по 1834 годъ, я жилъ въ домѣ.

III.

Весной 1834 года, командированъ на правый флангъ кавказской линіи, въ полкъ Жирова, гдѣ находился до выступле-

ня его въ 1837 году на Донъ. Въ бытность на Кавказѣ, я участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами; особнхъ отличій съ моей стороны, выходявшихъ изъ ряда обыкновенныхъ казаковъ, не было, кромѣ развѣ слѣдующаго: полкъ былъ расположенъ по рѣкѣ Кубани; весной 1836 г., по распоряженію начальника кубанской линіи генералъ-маіора Засса, полкъ двинуть въ полномъ составѣ за Кубань, на рѣку Чамлыкъ. Придя на мѣсто, начали строить укрѣпленіе; чрезъ мѣсяць оное было готово. Полкъ расположился въ немъ. Во время постройки ея лошади паслись надъ рѣкой, надъ прикрытіемъ одной сотни; горцы, видѣли эту оплошность и вознамѣрились, во что бы ни стало, отбить весь табунъ у прикрывающей сотни; для того собралось горцевъ болѣе 360 человекъ, самыхъ отборныхъ наѣздниковъ изъ князей и удельней. Въ ночь, надъ 4 іюля эта ватага, переправившись чрезъ рѣку Лабу, скрытно перейдя на Чамлыкъ, остановилась ниже крѣпости въ полуторѣ верстѣ въ лѣсу, съ такимъ намѣреніемъ, когда выпустятся на пастбу лошади, гнѣнуть изъ засады и угнать всю добычу безнаказанно, потому, что преслѣдовать ихъ было не кому. Полкъ оставался, по ихъ расчету, весь пѣший, кромѣ прикрывающей военной сотни; но они горько ошиблись: вмѣстѣ со вступленіемъ полка въ крѣпость, лошади болѣе на пастбу не выпускались.

По введенному порядку, дежурные по полку сотенные командиры съ восходомъ солнца должны были высылать развѣзды вверхъ и внизъ рѣки версты на три, и если, по осмотрѣ мѣстности, ничего сомнительнаго не окажется, начальники развѣздовъ оставляли на условленныхъ мѣстахъ пикеты, а съ остальными людьми возвращались въ крѣпость. 4-го числа я былъ дежурнымъ; сотня моя имѣла лошадей осѣдланыхъ, люди въ амуниціи. Солнце взошло. Развѣзды посланы. Выйдя на батарею, я слѣдилъ за ними; посланный внизъ, перейдя ручей Грязнушку, поднялся на высоту, спустился въ Чамлыкъ; за лѣсомъ мнѣ нельзя было видѣть, какая катастрофа происходитъ съ развѣдомъ; чрезъ четверть часа показался скучущій всадникъ, оставшійся въ живыхъ изъ пятнадцати развѣздныхъ: остальные 14 побиты. За нимъ громадная вереница кавалеріи. Я тотчасъ приказалъ моей сотнѣ съѣсть на коней и выступилъ на встрѣчу горцамъ; за полъ версты отъ крѣпости встрѣтился съ ними, но въ бой не всту-

пилъ, считая себя слишкомъ слабымъ, по численности людей: въ сотнѣ было не болѣе ста человекъ, а потому я отступилъ къ стѣнамъ крѣпости, ожидая выступленія полка. Горцы, видя свою неудачу, повернулись и шагомъ пошли обратно. Въ крѣпости была страшная неурядица: всѣ бѣжали взадъ и впередъ, не находя что дѣлать. — Является ко мнѣ полковой адъютантъ, передаетъ приказаніе идти за партією; я двинулся по слѣдамъ ея, но на благородной дистанціи, выбирая на каждомъ шагѣ выгодную позицію, чтобъ въ случаѣ нападенія спѣшиться, стать въ оборонительное положеніе, — эта спасительная метода принята на всемъ Кавказѣ. Горцы перешли Чамлыкъ, двинулись къ Лабѣ:—между этими рѣками, верстѣ на 25, лѣсу нѣтъ, чистое поле, — и въ виду крѣпости бросились на меня въ пашки; бывши готовою къ такому случаю, сотня спѣшилась, встрѣтила горцевъ батальнымъ огнемъ; болѣе полу-часа я выдерживалъ атаку: убитыхъ и раненыхъ у меня не было; люди сохранили духъ твердости, горцы-жъ оставили 20 тѣлъ. Партія отступила. Пошелъ и я за ней на почтительной дистанціи. Пропшелъ версту; крѣпости мнѣ болѣе не было видно. На пространствѣ десяти верстѣ я выдержалъ двѣнадцать атакъ: у меня вышло изъ строя до 20 человекъ.

Послѣ седьмой атаки я послалъ урядника Никредина къ командиру полка просить поддержанія и сказать, что въ сотнѣ нѣтъ патроновъ.

Послѣ десятой атаки является Никрединъ, передаетъ въ полголоса отвѣтъ командира: «скажи головорѣзу, если у него нѣтъ патроновъ, то есть пики, а на меня пусть не надѣется».

На вопросъ мой далеко-ли полкъ отъ насъ? Отвѣтъ: «еще, ваше благородіе, изъ крѣпости не выступалъ».

Я былъ пораженъ такою вѣстью. Дождь насталъ проливной. Послѣдовала одиннадцатая атака. Послѣ первыхъ выстрѣловъ ружья замолкли, минута настала критическая; къ счастью атака продолжалась минутъ пять. Партія отступила. Послѣдовалъ и я за ней. Подозвавъ къ себѣ субалтернъ-офицера Полякова*), высказалъ ему наше положеніе, прибавивъ, что какъ у меня, такъ и у него кони добрые и мы могли бы ускакать, но въ такомъ случаѣ

*) Впослѣдствіи убитъ.

на жертву останутся меньшіе братья, а потому: даетъ ли онъ мнѣ честное слово умереть совместно съ братію со славою, не видя сраму?

Отвѣтъ: «хочу умереть честно, а сраму не желаю пережить»?

Поблагодаривши его, я передалъ слѣдующее мое распоряженіе: горцы еще атакуютъ насъ и, если встрѣтятъ нашу стойкость, тотчасъ отступятъ; нужно пользоваться моментомъ: «слушай, вторая полусотня остается въ твоёмъ распоряженіи, съ первою — я брошусь въ пики и, если ты увидишь, что горцы будутъ хоть немного потѣснены, ту-жъ минуту подкрѣпи своими пиками; но если перевернуть меня, успѣвай, въ пѣшемъ строю, стать въ оборонительное положеніе; примкну и я къ тебѣ, и будемъ рубиться на мѣстѣ пока живы». Я не ошибся. Послѣдовала двѣнадцатая атака. Встрѣтивъ непоколебимое сопротивленіе, горцы повернули отъ насъ, пошли шагомъ. Сотня съѣла на коней. Вдали гремѣлъ громъ и звукъ его много походилъ на гулъ орудійныхъ колесъ. Я обратился къ сотнѣ съ слѣдующими словами: «товарищи! слышите гулъ орудійныхъ колесъ? Это полкъ спѣшитъ къ намъ; горцы безсильны; ружья и пистолеты ихъ также замочные, какъ и ваши; нагрянетъ полкъ и передошлетъ ихъ какъ цыплятъ; но это бы ничего, а всю славу припишетъ себѣ. Вы-жъ цѣлый день выставляли вашу могучую грудь и останетесь не причемъ! Станичники! не допустимъ ихъ воспользоваться нашими трудами. Пики на перевѣсъ! съ Богомъ! вперед!»

Первая полусотня врѣзалась въ средину; каждый казакъ пронзилъ пикой свою жертву. Эта неожиданная наша смѣлая выходка — поразила горцевъ; вмѣсто того, чтобы отразить насъ, никто не схватился за пашку. Поляковъ не потерялъ момента: съ своею полусотнею подкрѣпилъ меня. Опрокинутые горцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать; на пространствѣ 15 верстъ, мы преслѣдовали ихъ до рѣки Лабы. Осталось до 300 тѣлъ, ушло не болѣе 60 человекъ *).

Возвращаясь въ полку, я забралъ разсыпанныхъ въ полѣ лошадей, а съ убитыхъ снялъ оружіе; въ пѣвнѣ никто изъ горцевъ не былъ взятъ потому, что трудно было требовать отъ казаковъ, людей разъяренныхъ, какъ львы, пощады врагамъ.

*) Дѣло это до сихъ поръ памятно на правомъ флангѣ кавказской линіи ливнейныхъ казачьихъ станицахъ.

Подойдя къ вѣрности, версты за-пять встрѣтилъ идущій къ намъ полкъ при двухъ полевыхъ орудіяхъ. Что за причина была со стороны командира полка бросить меня съ сотнею на погибель — развяснить не умѣю.

За это дѣло я получилъ Владимира 4-й степени; Поляковъ — Анну 3-й степени.

IV.

Въ промежутки 1837 г. по 1845-й годъ находился я въ учебномъ полку въ Новочеркасскѣ, и три года въ Польшѣ, въ полку Радонова. Въ 1845 году, экстренно командированъ на лѣвѣй флангъ кавказской линіи въ полкъ Шрамкова, отъ котораго, по личному приказанію намѣстника кавказскаго князя Михаила Семеновича Воронцова, принялъ въ командованіе № 20-го полкъ, бывши майоромъ. Штабъ полка былъ въ укрѣпленіи Куринскомъ. Въ 1850 г. полкъ спущенъ на Донъ, я-жь, по ходатайству Воронцова, остался на Кавказѣ, принялъ въ командованіе № 17-го полкъ, пришедшій на смѣну № 20-го.

Командовалъ 17-мъ полкомъ по 1853 годъ, и передалъ его подполковнику Полякову *); самъ же я получилъ назначеніе быть начальникомъ всей кавалеріи лѣваго фланга, почему переѣхалъ въ вѣрность Грозную.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1855 г., по распоряженію главнокомандующаго Муравьева, потребованъ въ Турцію, подъ Карсъ. Подробное описаніе участія моего въ осадѣ Карса, равно въ штурмѣ его, напечатано въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II, стр. 567—610.

О службѣ и дѣлахъ на лѣвомъ флангѣ, какъ многочисленныхъ, останавливаюсь описаніемъ, а укажу на нѣкоторые случаи, болѣе любопытные. Съ 1845 г. по 1853-й г. я съ полкомъ моимъ отбилъ у горцевъ до 12-ти рогатаго скота и до 40-ти овецъ; ни одна партія, спускавшаяся съ горъ на Кумыцкую плоскость, не возвращалась безнаказанно, а всегда была уничтожаема и рѣдкому изъ среди ихъ удавалось возвращаться по добру — по здорову. Имѣя вѣрнѣйшихъ лазутчиковъ и зная имъ хорошія деньги, я всегда былъ во-время предупреждаемъ о движеніи горцевъ; нападалъ съ моимъ полкомъ и уничтожалъ такъ, что

*) Однофамилецъ съ бывшимъ моимъ субалтернъ-офицеромъ въ полку Жирова. Я. В.